

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
ХЕЗЕР МОРРИС

Татуировщик из Освенцима

Дорога из Освенцима

Истории надежды

Три сестры

Хезер
Моррис

ТРИ СЕСТРЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
М 80

Heather Morris
THREE SISTERS

Copyright © Heather Morris, 2021

First published in the English language as THREE SISTERS
by Zaffre, an imprint of Bonnier Books UK

Published in Russian by arrangement with The Van Lear Agency
and Bonnier Books UK

The moral rights of the author have been asserted

Archival Document © National Archives (NA),

Ministry of Finance – London (MF-L), signature Jews, box 121

All rights reserved

Перевод с английского Ирины Иванченко

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-19147-1

© И. В. Иванченко, перевод, 2022

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2022

Издательство АЗБУКА®

*Циби, z'л, Магда, Ливия,
спасибо за ваше мужество и надежду, с которыми
вы не расставались в самые темные времена
истории, чтобы создать жизнь на новой родине
с любящими семьями и вдохновить всех нас.*

*Мишка, z'л, Ицко, z'л, Зигги, z'л,
у вас были свои истории выживания.
У вас были свои истории мужества, надежды,
любви и потери близких. У вас была любовь
трех удивительных женщин и ваших родных.*

*Кароль (Кари), Йозеф (Йосси), Хая,
Юдит (Дитти), Оded (Оди), Дорит,
вы росли, слушая рассказы своих родителей.
Вы приобщились к их терпению, стойкости,
мужеству и желанию поделиться своим прошлым,
поэтому ни один из нас никогда НЕ ЗАБУДЕТ об этом.*

*Рэнди, Ронит, Пэм, Йосси, Йозеф, Ишай,
Амиад, Хагит, Ноа, Анат, Аяла, Амир, Ариела,
Даниэль, Рут, Боаз, Ли-Ор, Ногах, Пнина,
Галил, Эдан, Эли, Хагар, Деан, Манор, Алон,
Ясмин, Шира, Тамар, Кармел, Альби, Мааян,
Дорон, Офир, Маор, Рафаэль, Илан, Роми
И ВСЕ ГРЯДУЩИЕ ПОКОЛЕНИЯ*

Примечание. Знак z'л добавлен к именам ушедших людей, чтобы почтить их память. Он означает: «Zichrono livgasha» — да будет благословенна память о нем или о ней (*иврит*).

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ОБЕЩАНИЕ

ПРОЛОГ

Вранов-над-Топлѐу, Словакия

Июнь 1929 года

На небольшом заднем дворе своего дома, тесно сгрудившись вокруг отца, сидят три сестры — Циби, Магда и Ливи. В одном углу маленького сада уныло поник куст олеандра, который их мать всеми силами пыталась вернуть к жизни.

Ливи, самой младшей, три года, и она вскакивает на ноги — ей трудно усидеть на месте.

— Ливи, сядь, пожалуйста, — говорит ей Циби; в свои семь лет она, как старшая из сестер, чувствует себя вправе приструнить младших за плохое поведение. — Ты же знаешь, папа хочет с нами поговорить.

— Нет, — возражает трехлетняя Ливи, принимаясь скакать вокруг сидящих и похлопывая каждого по голове.

Магда, средняя сестра, которой пять лет, сухой веточкой олеандра рисует что-то на земле. Стоит теплый солнечный летний день. Задняя дверь дома открыта, и из нее доносится аппетитный аромат свежее испеченного хлеба. Два окна — одно кухни, другое небольшой семейной спальни — знавали лучшие времена. На земле валяется отшелушившаяся после зимы краска. От

порыва ветра хлопает калитка. Сломана щеколда, отцу придется чинить и это.

— Иди сюда, котенок. Садись ко мне на колени, — подзывает отец Ливи.

Одно дело — когда тебе велит что-то сделать старшая сестра, и совсем другое — когда просит папа, да еще так ласково. Размахивая руками, Ливи прыгает к нему на колени, не обращая внимания на то, что ударяет отца по голове.

— Ты в порядке, папа? — беспокоится Магда, заметив гримасу боли на его лице, когда он непроизвольно откидывает голову назад, и гладит отца по щетинистой щеке.

— Да, милая. У меня все хорошо. Со мной мои девочки. О чем еще просить отцу?

— Ты сказал, что хочешь с нами поговорить? — Циби не терпится перейти к сути их маленького «собрания».

Менахем Меллер заглядывает в глаза своих хорошеньких дочерей. Им нет дела до мировых проблем, они пока пребывают в неведении о суровой реальности жизни за стенами их милого домика. О суровой реальности, с которой столкнулся Менахем и в которой продолжает жить. Пуля, не убившая его на Первой мировой войне, застряла в шее и теперь, двенадцать лет спустя, угрожает его жизни.

Горячая Циби, непокорная Циби... Менахем гладит ее по волосам. В тот день, когда родилась, она возвестила миру: остерегайтесь, и горе тому, кто встанет у нее на пути. Когда она сердится, ее зеленые глаза начинают полыхать желтым огнем.

А Магда, красивая, нежная Магда — как быстро она выросла, ей уже пять! Отец беспокоится,

что мягкость сделает дочь уязвимой и люди станут обижать ее и использовать. На него устремлены ее большие голубые глаза, и он ощущает ее любовь, тревогу за его шаткое здоровье. Он видит, что она не по годам взрослая, видит ее отзывчивость, унаследованную от матери и бабушки, и пылкое желание заботиться о ближнем.

Ливи перестает вертеться, когда Менахем начинает играть с ее мягкими кудряшками. Про себя он называет Ливи дикаркой, беспокоясь, как бы однажды она не убежала с волками и не сломалась, словно деревце, если будет загнана в угол. Со своими пронзительными голубыми глазами и хрупкой фигуркой она напоминает ему олененка, которого легко напугать и который готов удрать в любой момент.

Завтра ему предстоит операция по удалению из шеи блуждающей пули. Почему ее нельзя оставить там, где она есть? Он бесконечно молится о том, чтобы как можно дольше быть с девочками. Ему надо направлять их по пути к зрелости, надо побывать на их свадьбах, понянчить внуков. Операция опасная, и если он не выживет, то сегодняшний день может стать последним, проведенным с ними. И если такое случится, какими бы ужасными ни были его мысли об этом в столь прекрасный солнечный день, необходимо прямо сейчас высказать девочкам свою просьбу.

— Ну, папа, что ты хотел нам сказать? — подгоняет Циби.

— Циби, Магда, вы знаете, что такое обещание? — медленно спрашивает он.

Надо, чтобы они серьезно к этому отнеслись.

— Нет, — качает головой Магда.

— Я думаю, — говорит Циби, — это когда у двоих есть секрет, правда?

Менахем улыбается. Циби всегда хотя бы пытается, и это нравится ему в ней больше всего.

— Близко, дорогая моя, но дать обещание могут и больше двух человек. Я хочу, чтобы вы трое дали мне обещание. Ливи еще не понимает, но надо, чтобы вы говорили ей об этом, пока она не поймет.

— Я тоже не понимаю, папа, — перебивает его Магда. — Ты совсем сбил меня с толку.

— Это очень просто, Магда, — улыбается Менахем, находя особое удовольствие в том, что разговаривает со своими девочками, и у него щемит в груди — он должен запомнить этот момент, этот солнечный день, широко распахнутые глаза трех его дочерей. — Хочу, чтобы вы пообещали мне и друг другу, что всегда будете заботиться о своих сестрах. Всегда придете на помощь друг другу, что бы ни случилось. И не позволите, чтобы что-то вас разлучило. Понимаете?

Магда и Циби кивают, а Циби с серьезным видом спрашивает:

— Я понимаю, папа, но почему кто-то захочет разлучить нас?

— Я не говорю, что кто-то захочет, просто хочу, чтобы вы обещали мне: если кто-то попытается разлучить вас, вы вспомните то, о чем мы говорили сегодня, и сделаете все, что в ваших силах, чтобы помешать этому. Когда вы вместе, втроем, вы сильные, никогда не забывайте об этом. — Запнувшись, Менахем откашливается.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЕЩАНИЕ

Циби и Магда обмениваются взглядами. Ливи переводит взгляд с одной сестры на другую, потом на отца, догадываясь, что было сказано что-то важное, но что именно, она не понимала.

— Я обещаю, папа, — говорит Магда.

— Циби? — спрашивает Менахем.

— Я тоже обещаю, папа. Обещаю заботиться о своих сестрах. Никому не позволю обидеть их, ты же знаешь.

— Да, я знаю, моя дорогая Циби. Это обещание станет договором между вами тремя. Ты расскажешь Ливи об этом договоре, когда она подрастет?

Циби обхватывает лицо Ливи ладонями, поворачивает к себе ее голову и заглядывает сестре в глаза:

— Ливи, скажи «обещаю». Скажи «я обещаю».

Ливи изучает сестру. Циби кивает, поощряя ее произнести эти слова.

— Я обещаю, — повторяет Ливи.

— Теперь скажи это папе, скажи «я обещаю», — наставляет Циби.

Ливи поворачивается к отцу. В ее глазах пляшут смешинки, она вот-вот прыснет, ее сердечко тает от отцовской улыбки.

— Я обещаю, папа. Ливи обещает.

Прижимая своих девочек к груди, он смотрит поверх головы Циби и улыбается еще одной своей девочке — матери его дочерей, которая стоит на пороге их дома с блестящими от слез глазами.

Ему есть что терять. Он должен выжить.

ГЛАВА 1

Вранов-над-Топлёу, Словакия

Март 1942 года

— Прошу, скажите мне, что она поправится, я так за нее беспокоюсь, — волнуется Хая, когда врач осматривает ее семнадцатилетнюю дочь.

Магда уже несколько дней лежит с высокой температурой.

— Да, госпожа Меллер, Магда скоро поправится, — успокаивает женщину доктор Кисели.

В крошечной спальне стоят две кровати. На одной Хая спит с младшей дочерью Ливи, другую Магда делит со старшей сестрой Циби, когда та бывает дома. Одну стену занимает большой комод, забитый одеждой и другими вещами четырех женщин. Предмет их гордости — хрустальный флакон для духов с изумрудно-зеленым шнурком и кисточкой, а рядом с ним на комодѐ стоит зернистая фотография: красивый мужчина сидит с малышкой на одном колѐне и с девочкой постарше — на другом, третья девочка, еще старше, стоит слева от него, а справа — мать девочек, ее рука лежит на плече мужа. На матери и дочках — белые кружевные платья, и все вместе они являют собой картинку идеальной семьи, по крайней мере на тот момент.

Менахем Меллер умер на операционном столе. Хотя пулю и удалось извлечь, потеря крови была слишком велика. Хая осталась без мужа, а девочки — без отца. Чтобы помочь семье, в домик переехал Ицхак, отец Хаи и дед сестер. Брат Хаи Айван живет в доме напротив.

Хая не одинока, хотя и чувствует в душе ужасное одиночество.

В спальне задернуты тяжелые шторы, чтобы дрожащую в лихорадке Магду не тревожил яркий свет весеннего солнца, который просачивается в комнату поверх карниза.

— Мы можем поговорить в другой комнате? — Доктор Кисели дотрагивается до руки Хаи.

Ливи, скрестив ноги, сидит на соседней кровати и смотрит, как Хая кладет на лоб Магды новое влажное полотенце.

— Побудешь с сестрой? — спрашивает мать, и Ливи кивает.

Когда взрослые выходят из комнаты, Ливи ложится рядом с сестрой и принимается вытирать пот с лица Магды сухой фланелькой.

— Ты поправишься, Магда. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Магда заставляет себя улыбнуться:

— Это же моя обязанность, ведь я твоя старшая сестра. Я должна заботиться о тебе.

— Тогда поправляйся.

Хая и доктор Кисели делают несколько шагов, отделяющих спальню от гостиной маленького дома. Входная дверь открывается прямо в уютную жилую комнату с крошечной кухней в задней части.

Дед девочек Ицхак моет руки над раковиной. За ним с заднего двора тянется дорожка древесных стружек, несколько лежат на выцветшем голубом войлоке, покрывающем пол. Вздрогнув, Ицхак оборачивается, разбрызгивая воду по полу.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Ицхак, я рад, что вы здесь. Посидите с нами.

Хая быстро поворачивается к молодому доктору. В глазах у нее страх. Доктор Кисели с улыбкой подводит ее к стулу, а другой пододвигает от кухонного стола для Ицхака.

— Она очень больна? — спрашивает Ицхак.

— Она скоро выздоровеет. Это грипп, и здоровой молодой девушке нужно только время.

— Тогда в чем же дело? — Хая машет рукой в сторону врача.

Доктор Кисели находит еще один стул и садится:

— Не хочу, чтобы вы испугались того, что я собираюсь вам сказать.

Хая лишь кивает, приготовившись услышать то, что он должен сказать. С начала войны она сильно изменилась: ее когда-то гладкий лоб покрыт морщинами, и она такая худая, что одежда висит на ней как на вешалке.

— В чем дело, парень? — спрашивает Ицхак.

Ответственность за дочь и внушек состарила его не по годам, и у него нет времени на уловки.

— Я хочу отправить Магду в больницу...

— Что? Вы только что сказали, что она скоро поправится! — восклицает Хая.

Она поднимается, хватаясь за стол для опоры. Доктор Кисели жестом останавливает ее:

— Это не из-за болезни. Есть другая причина, по которой я хочу положить Магду в больницу, и, если вы выслушаете, я объясню.

— О чем вы толкуете, черт возьми?! — возмущается Ицхак. — Выкладывайте!

— Госпожа Меллер, Ицхак, ходят слухи, ужасные слухи о молодых евреях, девушках и юношах, которых отправляют из Словакии на работы для немцев. В больнице Магда будет в безопасности, и я обещаю, что не допущу, чтобы с ней что-то случилось.

Хая откидывается на стуле, закрывает лицо ладонями. Это гораздо хуже гриппа.

Ицхак рассеянно похлопывает ее по спине, весь напрягшись в ожидании того, что скажет доктор.

— Что-то еще? — В ожидании честного ответа Ицхак в упор смотрит на доктора.

— Как я уже сказал, слухи и сплетни, и в них нет ничего хорошего для евреев. Если они придут за вашими детьми, то это начало конца. *И работать* на нацистов? Мы понятия не имеем, что это значит.

— Что же нам делать? — спрашивает Ицхак. — Мы уже все потеряли: право работать, кормить наши семьи... Что еще они могут отнять у нас?

— Если то, что я слышал, — правда, им нужны ваши дети.

Хая выпрямляется. Лицо ее покраснело, но она не плачет.

— А Ливи? Кто защитит Ливи?

— Полагаю, им нужны подростки старше шестнадцати лет. Ливи ведь четырнадцать, да?

— Пятнадцать.

— Она еще дитя, — с улыбкой говорит доктор Кисели. — Думаю, с Ливи все будет в порядке.

— А сколько времени Магда пробудет в больнице? — Хая поворачивается к отцу. — Она не захочет туда, не захочет оставить Ливи. Помнишь, отец, когда Циби уходила, она заставила Магду пообещать ей, что та будет заботиться о своей младшей сестре?

Ицхак поглаживает руку Хаи:

— Если мы хотим спасти ее, она должна отправиться в больницу, хочет она того или нет.

— Полагаю, нужно лишь несколько дней, может быть, неделя. Если слухи верны, они скоро явятся, а после этого я отправлю ее домой. А Циби? Где она?

— Вы же знаете ее. Она в лагере «Хахшары».

Хая не знает, что и думать об этой программе, по которой молодых людей вроде Циби обучают навыкам, необходимым для новой жизни в Палестине, далеко от Словакии, пока в Европе бушует война.

— Все еще учится пахать землю? — шутит доктор, но ни Хая, ни Ицхак не улыбаются.

— Если она собирается эмигрировать, то именно это ждет ее там — плодородные земли, которые нужно возделывать, — говорит Ицхак.

Но Хая молчит, погрузившись в свои мысли. Один ребенок в больнице, другой еще мал и может избежать когтей нацистов. А третья дочь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЕЩАНИЕ

Циби, старшая, примкнула к молодежному сионистскому движению, вдохновившись миссией создания еврейской родины, когда бы это ни произошло.

До их сознания уже дошла мысль о том, что земля обетованная нужна им прямо сейчас, и чем быстрее, тем лучше. Но Хая предполагает, что по крайней мере пока все три ее дочери в безопасности.

ГЛАВА 2

*Лесистая местность в окрестностях
Вранов-над-Топлём, Словакия
Март 1942 года*

Циби уклоняется от корки хлеба, пролетевшей мимо ее головы. Она сердито смотрит на молодого человека, бросившего хлеб, но ее сверкающие глаза говорят совсем о другом.

Циби не раздумывая, с энтузиазмом откликнулась на призыв начать новую жизнь в новой стране. На лесной поляне, вдали от докучливых глаз, были построены домики для сна, а также общий барак и кухня. Здесь двадцать юношей и девушек живут и работают вместе в небольшой коммуне, готовясь к новой жизни в земле обетованной.

Человек, отвечающий за эту программу, — дядя одного из мальчиков, участвующих в подготовке. И хотя он перешел из иудаизма в христианство, симпатии Йозефа остаются на стороне евреев Словакии. Будучи состоятельным человеком, он приобрел лесной участок в окрестностях города, ставший безопасным местом для сбора и обучения юношей и девушек. Йозеф придерживается лишь одного правила: в пятницу утром, перед Шаббатом, все должны вернуться домой и оставаться дома до воскресенья.

На кухне, глядя, как Йоси бросает в Циби корку хлеба, Йозеф вздыхает. Подготовка этой группы завершена — ребята уезжают через две недели. Его тренировочный лагерь успешно функционирует. Восемь групп уже уехали в Палестину, а эти все еще дурачатся.

— Если нас не убьет палестинская жара, то убьет твоястряпня, Циби Меллер! — кричит забияка Йоси. — Может, тебе лучше заняться *выращиванием* еды.

Циби подскакивает к нему и обхватывает его рукой за шею.

— Попробуй еще швырнуть в меня чем-нибудь — и не доживешь до Палестины! — Она слегка сдавливая ему горло.

— Все по местам! — командует Йозеф. — Заканчивайте и выходите на улицу. Через пять минут начинается тренировка... Циби, тебе нужно дополнительное время для освоения навыков по выпечке хлеба?

Отпустив Йоси, Циби встает по стойке смирно:

— Нет, сэр, сколько бы времени я ни проводила на кухне, не замечаю никакого прогресса.

Пока она говорит, слышно, как по деревянному настилу импровизированной столовой чиркают ножки стульев, когда двадцать еврейских парней и девушек поспешно заканчивают трапезу, чтобы поскорее начать тренировку на воздухе.

Строясь в неровные шеренги, они встают по стойке смирно, когда к ним, широко улыбаясь, подходит их наставник Йозеф. Он гордится храбрыми ребятами, жаждущими отправиться в опасное путешествие, покидающими свои семьи, свою

страну, когда вокруг свирепствуют война и нацисты. Будучи зрелым и мудрым, он предвидел будущее евреев в Словакии и организовал «Хашшару», считая, что это единственный шанс пережить грядущие события.

— С добрым утром, — говорит Йозеф.

— С добрым утром, — хором отвечают ученики.

— «В этот день заключил Господь завет с Авраамом, сказав...» — начинает он, проверяя знание текста из Библии.

— «Потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата»¹, — подхватывает группа.

— «И Господь сказал Авраму...»

— «Оставь свою страну, свой народ и отцовский дом и иди в землю, которую Я укажу тебе»², — заканчивают они фразу.

Торжественность момента нарушается ревом грузовика, преодолевающего расчищенный участок леса. Машина останавливается неподалеку, и из нее вылезает местный фермер.

— Йоси, Ханна, Циби, вы сегодня первые займетесь обучением вождению. И, Циби, меня не волнует, какая ты стряпуха, ты должна освоить вождение автомобиля. Занимайся этим с тем же пылом, с каким недавно схватила Йоси за шею, и очень скоро ты сможешь обучать других. Я хочу, чтобы каждый из вас отличился в чем-то одном, а затем помог с обучением других. Ясно?

— Да!

¹ Бытие, 15: 18. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Бытие, 12: 1.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЕЩАНИЕ

— А теперь остальные идите к сараю. Там много сельскохозяйственных инструментов, которыми вы научитесь пользоваться.

Циби, Ханна и Йоси подходят к водительской двери грузовика.

— Ладно, Циби, давай ты первая. Постарайся ничего не сломать, пока дойдет очередь до нас с Ханной, — шутливо говорит Йоси.

Циби наскакивает на Йоси и снова обнимает его рукой за шею.

— Пока ты возишься с первой передачей, я уже буду ездить по улицам Палестины! — кричит Циби ему в ухо.

— Ладно, перестаньте вы! Циби, залезай в машину. Я сяду на пассажирское сиденье, — говорит фермер.

Циби лезет в кабину, а Йоси подталкивает ее сзади. Остановившись на подножке, Циби обдумывает, как ей реагировать, и решает, что, когда настанет очередь Йоси, она поможет ему тем же способом.

То, как Циби со скрежетом включает передачу и машина скачками срывается с места, вызывает у Йоси и Ханны дикий хохот. Из водительского окна высовывается рука с поднятым средним пальцем.

ГЛАВА 3

*Вранов-над-Топлєю, Словакия
Март 1942 года*

— Ливи, хватит смотреть в окно! — умоляет Хая. — Магда вернется домой из больницы, когда окончательно поправится.

Хая, не уверенная, что правильно поступила, отправив Магду в больницу, продолжает сокрушаться о том, что Менахема нет в живых. Понимая, что это неразумно, она чувствует: ни войны, ни немцев, ни капитуляции ее страны перед нацистами — ничего бы этого не было, будь он в живых.

— Но, мама, ты говорила, она не так уж больна. Так почему она до сих пор в больнице? Уже прошло столько дней!

Ливи хнычет, но Хая не хочет больше отвечать. Она слишком часто слышала этот вопрос и отвечала на него.

— Ты знаешь ответ, Ливи. Доктор Кисели подумал, что она быстрее поправится, если ты перестанешь ей все время докучать. — Хая еле заметно улыбается.

— Я ей не докучала! — обижается Ливи.

Надувшись, она отодвигается от окна, позволяя опустить штору, которая отгораживает их от мира, становящегося все более беспокойным

и угрожающим. Мать теперь неохотно отпускает Ливи из дому даже в магазин и не разрешает видаться с друзьями, объясняя дочери, что за ними повсюду следят глаза Глинковой гвардии, которая устраивает облавы на молодых еврейских девушек вроде нее.

— Я чувствую себя здесь заключенной! Когда Циби вернется домой?

Ливи завидует свободе Циби, ее планам уехать в обетованную землю.

— Она придет домой через два дня. Отойди от окна.

Раздается громкий стук во входную дверь, и из кухни поспешно выходит Ицхак, который вырезал там из дерева звезду Давида. Он направляется к двери, но Хая останавливает его взмахом руки:

— Нет, отец, я сама открою.

Открыв дверь, Хая видит на пороге двоих молодых людей из Глинковой гвардии и вздрагивает. Перед ней в зловещей черной форме стоят полицейские и, что более важно, солдаты Адольфа Гитлера. Они не станут защищать ее или любого другого еврея в Словакии.

— Здравствуй, Висик, как поживаешь? А твоя мать, как там Ирена?

Хая не хочет показать им свой страх. Она знает, зачем они пришли.

— Хорошо, спасибо.

Другой полицейский делает шаг вперед. Он выше, явно злее и представляет собой бóльшую угрозу, чем первый парень.

— Мы здесь не для того, чтобы обмениваться любезностями. Вы госпожа Меллер?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ОБЕЩАНИЕ	7
Часть вторая. ВРАТА АДА	61
Часть третья. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ	319
Примечания автора	475
Послесловие Ливии Равек	481
Послесловие Одеда Равека	482
Послесловие Аялы Равек	485
Послесловие Йосси Лахава (Ланга)	487
Благодарности	502

Моррис Х.

М 80 Три сестры : роман / Хезер Моррис ; пер. с англ. И. Иванченко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-19147-1

Маленькие девочки Циби, Магда и Ливи дают своему отцу обещание: всегда быть вместе, что бы ни случилось... В 1942 году нацисты забирают Ливи якобы для работ в Германии, и Циби, помня данное отцу обещание, следует за сестрой, чтобы защитить ее или умереть вместе с ней. Три года сестры пытаются выжить в нечеловеческих условиях концлагеря Освенцим-Биркенау. Магда остается с матерью и дедушкой, прячась на чердаке соседей или в лесу, но в конце концов тоже попадает в плен и отправляется в лагерь смерти. В Освенциме-Биркенау три сестры воссоединяются и, вспомнив отца, дают новое обещание, на этот раз друг другу: что они непременно выживут...

Впервые на русском языке!

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

ХЕЗЕР МОРРИС
ТРИ СЕСТРЫ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.12.2021. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 24,96.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-AVA-27848-81-R